

ПРАЗДНИК ПРИПЧУ

М. К. Айдем

КНИГА 1,5

Когда Лиза слышала о Фестивале Богини, то очень обрадовалась, пока не узнала, как торнианцы его отмечают.

Смешение семейных традиций никогда не бывает лёгким, но Лиза и девочки полны решимости привнести свою версию праздников на Луанду и порадовать народ, который они полюбили.

Перевод: Tatjana

Бета-коррект: Маришка,

Таня Фрэшка

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ber

Праздники на Люде или торнианская версия праздников

«Однажды ночью перед Фестивалем в Доме всё стихло...»

Лиза молча стояла в дверях комнаты для девочек, опираясь головой о косяк и слушая глубокий низкий голос Грима. Он всегда был таким мягким и нежным, когда рассказывал девочкам истории о жизни *Великого Раптора* — это стало их ритуалом перед сном. Девочки с нетерпением ждали возвращения Грима к последнему приёму пищи. Когда он приходил, они бежали к нему, одаривая его объятиями и поцелуями.

Во время еды они болтали, как маленькие сороки, рассказывая о каждом моменте своего дня: о том, что они сделали, куда ходили и с кем говорили. Грим внимательно и терпеливо слушал каждое слово. Как только с ужином было покончено, девочки бежали в свою комнату и готовились ко сну. Со смехом и хихиканьем они прыгали в постели и звали Грима, чтобы тот рассказал им новую историю.

Независимо от того, что происходило внутри Замка Луанды, независимо от каких-либо проблем, стрессов или неприятностей, Грим всегда находил время для своих дочерей, и они расцветали от его внимания.

Лиза слушала и нежно поглаживала свой живот. Всего три месяца беременности, а у неё уже образовался приличный животик с ребёнком Грима. Так она выглядела примерно к пяти месяцам, когда вынашивала девочек, и, хотя она была удивлена, Грим же был изумлён. Он никогда раньше не видел самку, вынашивающую потомство, за исключением Ким.

Забеременев, торнианские женщины скрывались, уединяясь на женском этаже, вместо того, чтобы позволить своим мужчинам стать свидетелями развития собственного потомства. *Дурочки*. Грим любил её меняющиеся формы. Он всегда касался и ласкал её, особенно груди, которые, казалось, удвоились в размерах. Те были настолько чувствительны, что всё, что нужно было сделать Гриму, — это посмотреть на них, и они напрягались,

умоляя о его внимании.

Последние два месяца для всех были напряжёнными. Прибытие десяти женщин вызвало переполох — не виданное доселе событие на Луанде! Грим связался с Монфором, когда они ещё были на Торниане, и распорядился о том, чтобы ближайшее к Королевскому крыло было прибрано и обставлено. Монфор последовал указаниям своего Короля и сделал шаг ещё дальше, убедившись, что всё сделано так, как требует его Королева.

Командующему Юниусу было приказано увеличить всю планетарную безопасность: все суда должны были быть тщательно обысканы, и любой мужчина не с Люды должен был пройти проверку до того, как получит разрешение прибыть на поверхность. В то время как воину Оуа было приказано удвоить количество охранников на стенах Замка Луанды и заблокировать в него свободный вход — никому не было позволено проникнуть внутрь без разрешения Грима или Лизы.

Лиза связалась с Падме, сообщив ей, что та будет нужна в Луанде сразу же по её прибытии. Она хотела, чтобы Падме встретила с каждой женщиной, измерила их и создала для каждой личный гардероб. Несмотря на то, что на Торниане для них были сделаны покрытия, все они были одинаковыми; Лиза же хотела, чтобы девушки могли выразить свой собственный стиль. Землянки так многого лишились, и ей хотелось, чтобы они могли контролировать хоть что-то.

Пока они летели домой, Лиза провела немало времени наедине с каждой из девушек, узнав их лучше. Они поведали ей о своих мечтах и страхах, и чаще всего страх заключался в том, что как только они прибудут на Люду, то будут осажены самцами, и их будут принуждать к соединению. Лиза быстро развеяла этот страх, пообещав, что этого не допустят, если только это не станет их собственным выбором.

Грим не очень хорошо воспринял обещание Лизы. Он уже получил сотни запросов от самцов, которые хотели представить себя самкам, — некоторые уже находились на пути к Люде, надеясь получить право первого выбора. Именно поэтому Грим увеличил безопасность планеты.

Он также получил множество просьб от воинов и манно, желающих либо служить Гриму, либо обучать своё молодое потомство. Все они хотели иметь честь служить такому превосходному воину из самых достойнейших Домов. Грим понимал, что придётся провести тщательную проверку каждого, поскольку распространились слухи, что воинам Луанды будет предоставлен льготный доступ к самкам. Это вызвало беспокойство у других лордов.

Грим и Лиза обсуждали ситуацию до поздней ночи. Лиза понимала, что это доставит Гриму множество проблем, но отказалась отступать. На этот раз женщины действительно нуждались в этом. После продолжительных споров было найдено решение, которое, хотя и не было совершенным, считалось справедливым для всех заинтересованных сторон.

По всей Империи было объявлено, что ни одному мужчине не разрешат представлять себя женщинам в течение двух месяцев, чтобы дать землянкам время для адаптации. Всем мужчинам, заинтересованным в соединении, сначала необходимо направить письменный запрос. В это прошение мужчина должен включить визуальное представление о собственном положении в Доме, в котором они будут жить, и что ещё важнее, почему он хочет женщину. Затем женщины рассмотрят эти просьбы и примут решение, какие мужчины будут приглашены в Луанду для личной встречи.

Также совершенно ясно дали понять, что свидание в Луанде не гарантирует мужчине женщину. Это только давало ему шанс.

Лиза вернулась в настоящее, когда голос Грима затих. Глядя на него, она увидела, что обе дочери крепко спали, а её жесткий, грубый воин осторожно укрывал их одеялом, а затем наклонился, чтобы мягко поцеловать каждую в лобик.

Ночи на Люде становились холоднее, и Грим беспокоился, что низкие температуры будут беспокоить их. Не важно, сколько раз она уверяла его, что они были в порядке, что на Земле температура тоже колеблется, он всё равно беспокоился и проверял девочек каждую ночь.

Её глаза следовали за ним, пока мужчина тихо передвигался по комнате, убеждаясь, что окна закрыты, а занавески плотно задёрнуты. Наконец проверив камин, он удовлетворился, что тот был растоплен должным образом, и добавил ещё одно полено, гарантируя, что комната будет нагрета до самого утра. Когда Грим, наконец, повернулся, чтобы уйти, то увидел её и замер.

Глаза Грима вспыхнули при виде его Лизы, прислонившейся к дверному косяку. Её длинные каштановые волосы обрамляли красивое лицо, янтарные глаза смотрели на него с такой любовью, что он не мог двигаться. Она носила новое покрытие, которое создала Падме, чтобы было комфортно округляющейся фигуре. Фигура, которая была результатом того, что эта женщина носила его потомство, его дочь, для него Лиза была такой прекрасной. Он ежедневно благодарил Богиню за то, что она подарила ему Лизу.

Иногда он резко просыпался посреди ночи, его сердце сильно билось, и он опять переживал нападение Лукена. Накатывал всепоглощающий страх, что его Лизу преследуют бесчестные воины, ужас жестокого обращения, которое она испытывает в руках Лукена. Это навсегда застряло в его голове.

Если бы Корин не пришёл ей на помощь, защищая его Лизу, пока сам Грим не мог, он бы её потерял. Потерял *их*. Всякий раз, когда он просыпался, вспоминая тот страшный день, он смотрел на свою Лизу, спокойно прижавшуюся к нему, их потомство, и вновь благодарил Богиню, потому что его жизнь не имела бы смысла без Лизы.

В тот день он подвёл её, и всё же она оставалась рядом, доверяя ему не только свою жизнь, но и жизни своих дочерей — *их* дочерей. Глаза мужчины продолжали путешествовать по телу Лизы, и он думал обо всех тех способах, которыми хотел бы поклоняться ей сегодня, но тут он нахмурился. Голые пальцы ног шевельнулись, когда выглянули из-под халата. Лиза не надела тапочки, сделанные для неё Падме, те самые, на создании которых он настаивал.

— Сколько сегодня? — тихо спросила Лиза, когда Грим подошёл к ней.

— Тебе достаточно тепло? — требовательно спросил он, игнорируя её вопрос.

Лизе пришлось остановить себя от закатывания глаз. Девочки были не единственными, о ком беспокоился Грим, особенно сейчас, когда она носила его дочь. Мужчина всегда проверял её, убеждался, что она отдыхала, следил, чтобы не переусердствовала.

В первый раз, когда она бросилась из его рук в очищающую комнату с утренней тошнотой, Грим был в ужасе! Он взревел, вызывая свою Гвардию, приказав найти Хадара и Ребекку, и опустился на колени рядом с ней, умоляя её быть в порядке.

К тому времени, когда она оправилась и смогла сказать, что с ней всё будет хорошо, все обитатели Замка пребывали в шоке. Прибежали Хадар и Ребекка, дочери плакали, и вся Гвардия была в состоянии повышенной боевой готовности.

Ребекка попыталась убедить Грима, что это было естественно, что с Лизой всё будет нормально. Он же отказывался ей верить, пока результат микро-сканера Хадара не убедил его.

Когда Грим осторожно поднимал Лизу с пола очищающей комнаты и аккуратно укладывал обратно в постель, его руки дрожали. Ему потребовалось несколько часов, чтобы полностью успокоиться, чтобы по-настоящему поверить, что с ней всё будет в порядке. Для остальных обитателей Замка это заняло почти неделю.

— Я в порядке, — успокоила она его, протягивая руку. — А теперь ответь на вопрос, — Лиза всегда поражалась тому, как её сильный воин нервничал, когда она дразнила его.

Грим тихо закрыл дверь девочек, взял её руку и притянул к себе, делясь теплотой своего тела.

— Они заснули во время третьего рассказа, — сказал он хрипло, его щёки потемнели от смущения. Грим, самый опасный воин в Торнианской Империи, мужчина, от которого все остальные сжимались в страхе, был беззащитен, когда дело доходило до его дочерей.

Покачив головой, Лиза тихонько рассмеялась и обняла его за талию, погружаясь в тепло его тела. Он был таким достойным мужчиной, её Грим. Она каждый день благодарила Марка и Богиню за то, что привели его в её жизнь.

Опираясь подбородком на его грудь, Лиза заглянула ему в глаза.

— Я люблю тебя, Грим.

Взглянув на свою Лизу, Грим увидел, что любовь сияла в её золотисто-карих глазах. Глазах, которые она дала своим дочерям, не удивительно, что он ни в чём не мог им отказать.

— И я тебя, моя Лиза.

Наклонившись, Грим завладел её губами в глубоком поцелуе.

— Пойдем отдыхать, моя Лиза, — пробормотал он ей в губы.

Лиза позволила Гриму привести её в их покои, но вместо того, чтобы повернуться к постели, она подошла к дивану, стоявшему перед камином. Диван был развёрнут под углом, чтобы сидя на нём можно было видеть светящееся, украшенное дерево у окна. Затем Лиза скинула халат и села.

— Лиза?

— Иди ко мне, Грим, сядь.

Она погладила место рядом с собой и потянулась за кубком вина, которое налила заранее.

Грим медленно двинулся и сел рядом с ней, но вместо того, чтобы взять кубок, потянулся к её ногам, положив их к себе на колени.

— Тебе нужно лучше заботиться о себе, моя Лиза, — сказал он ей.

— Я в порядке, Грим, — успокоила она его.

— У тебя есть тапочки, — напомнил он, нахмурившись, почувствовав холод её ног.

— Да, — она подарила ему озорную улыбку. — Но мне больше нравится, когда ты держишь мои ноги в тепле своих рук.

Грим ухмыльнулся и помассировал ей ноги, пока те не стали розовыми и тёплыми. Иногда его Лизу было сложно понять, взять, к примеру, её дерево. Его взгляд перешёл к тому, что она называла «Рождественской ёлкой», стоящей перед окнами.

«Зачем ей это нужно?» — подумал он про себя. Лиза настояла, чтобы у них было это дерево. И она не позволила срубить его, — о нет — это было бы слишком просто для его Лизы. У неё был Райдер, воин, отвечающий за сады, он выкопал дерево, обернул его корни и поместил в горшок, чтобы его можно было поливать и растить.

Потребовалось пять воинов, чтобы доставить дерево именно туда, куда она хотела. И уже на месте Лиза сообщила им, что через несколько недель его нужно будет высадить обратно в грунт. Она рассмеялась, когда воины застонали, но когда малышки увидели дерево, визг счастья заставил всех улыбаться.

В течение нескольких следующих недель девочки делали то, что они называют «украшением для Рождественской елки», убеждаясь в его достаточном количестве для каждой ветви. Затем дерево обернули цепочкой из бумаги, сделанной их руками, с их именами и датой, а с концов пушистых ветвей свисали звёзды, изготовленные из тонких веточек и цветной верёвки. Лиза тщательно разместила энергетические кристаллы, привезённые с Понта, на разных ветвях, чтобы дерево нежно светилось ночью. Это было... красиво, но Грим всё ещё не понимал, зачем им это.

Лиза молча наблюдала, пока взгляд Грима пробежал по дереву, она понимала, что его смущает. Она неторопливо подала Гриму кубок, мужчина повернулся и взял его.

— Я хочу объяснить тебе это лучше.

— Необязательно, моя Лиза, если это делает тебя и девочек счастливыми, у вас будет сто деревьев в Луанде.

— Ты ошибаешься, Грим, — поправила она. — Это имеет значение. Я понимаю, что у торнианцев нет того, что мы называем «Праздники», вместо этого у вас есть Фестиваль Богини.

— Это важный день для воинов, моя Лиза.

— Потому что воины надеются на благословение Богини в следующем году?

— Да.

— И их усилия привлекут внимание женщин?

— Да.

— Но это состязания, Грим, — подчеркнула она. — Вы соревнуетесь друг с другом в вооружённом бою за приз.

— Конечно, — он посмотрел на неё смущённо. — Ты говорила, что у вас на Земле тоже есть соревнования.

— Да, но... — Лиза нахмурилась, пытаясь подобрать правильные слова. — Праздники — это не соревнования по лучшему избитию кого-то. Это время, предназначенное для того, чтобы показать вашей семье и друзьям, что они для вас важны, что вы заботитесь о них.

Время для того, чтобы вспомнить значимых для вас людей, даже если их уже нет, — взяв руку Грима, она держала её против их растущего ребенка. — Будучи благодарными за благословения, которыми вас наделили.

— Я благодарен моей Лизе, — его пальцы мягко прикоснулись к её животу, и тепло руки проникло сквозь тонкий материал платья. — Я каждый день благодарю Богиню за то, что ты есть в моей жизни.

— Я тоже, Грим. Каждый день. Но я хочу поделиться этим благословением. Я хочу, чтобы ваши мужчины знали, что им не нужно побеждать в сражениях, чтобы получить благословение, достаточно просто быть тем, кем они являются.

— И дерево часть этого? — Грим смущённо посмотрел на неё.

Лиза мягко улыбнулась размышляя.

— Нет. Это просто символ. Символ того, что праздники начинаются.

— Вот почему девочки были так взволнованы, когда увидели его.

— Да, мы всегда начинаем праздники, украшая дерево.

Грим молча смотрел на дерево, пока потягивал вино, которое дала ему Лиза. У торнианцев нет ничего похожего, о чем говорила Лиза. Они должны быть достойны благословения. Должны находиться в отличной форме. Это единственный способ привлечь внимание Богини, потому что она благословляла только самых способных, самых достойных.

Нахмурившись, он вдруг понял, что это не так. Богиня благословила его, вместе с его Лизой. Все считали его непригодным и недостойным, она же так не считала. Его Лиза заявила, что они неправы, и Богиня согласилась.

Завтра состоится Фестиваль Богини; Грим вдруг понял, почему Лиза выбрала это время для своих праздников. Она связывала важную традицию Земли с традицией торнианцев, объединив тем самым их миры, также как сделала Эбби на Церемонии Соединения с Яниром.

Лиза молча ожидала, пока Грим размышлял обо всём, что она сказала. Они так много пережили за короткое время, что действительно было удивительно, что у них не было огромных проблем. Даже на Земле объединение семей могло быть трудным, особенно когда традиции были настолько разными.

Когда Лиза впервые услышала о Фестивале Богини, то была взволнована. На Земле, в их городе всегда проводился Зимний Фестиваль. Лиза и Марк ходили туда каждый год, даже когда он был очень болен, они ходили всей семьёй. Лиза подталкивала кресло-коляску вдоль ларьков, и они покупали специальные угощения и подарки.

Однако когда Грим объяснил, что Фестиваль — это вооруженные бои, где воины нередко получают ранения, и иногда тяжёлые, Лиза была в ужасе. Она не могла позволить девочкам увидеть подобное. Наблюдать, как мужчины, которых они узнали и полюбили, нападают друг на друга... это напугает их.

— Вы положили своё благословение на дерево, чтобы все могли видеть? — спросил

Грим, прерывая воспоминания Лизы.

— Что-то вроде того. Мы повесили на дерево украшения, напоминающие нам о прошедших временах: о том, откуда мы, и тех, кто помог нам стать теми, кто мы есть.

Лиза смотрела на него, но её глаза были наполнены воспоминаниями.

— Когда я была в возрасте Мики, была метель, — она тихо улыбнулась, при его смущённом взгляде. — Много тех белых хлопьев, которые упали на прошлой неделе, — Грим кивнул, понимая. — Мой отец пришёл с работы и остался дома. Мы с ним сидели вместе за кухонным столом, пили горячий шоколад и делали бумажную цепочку, точно такую же, — Лиза указала на своё дерево. — Она украшала наше дерево каждый год, пока, наконец, совсем не развалилась.

Грим перевёл взгляд с неё на дерево и вдруг увидел цепочку в ином свете. Полоски на цепочке были разных цветов, разных размеров и разных форм, потому что их делали разные люди. Он вспомнил тот вечер, когда девочки настаивали на том, чтобы он помог им сделать это, — впервые отказываясь от рассказа перед сном, — если он захочет.

В тот день возникли проблемы с одним из воинов, и ему нужно было потратить вечернее время на разбирательство, но Грим не смог отказать дочкам. Они провели следующие два часа, создавая эту цепочку. Девочки смеялись и хихикали, когда Грим чаще склеивал между собой пальцы, а не бумагу, но их маленькие пальчики немедленно помогали его гораздо более крупным пальцам. Вместе они вырезали, склеивали и собирали элементы в одну длинную цепочку, помогая друг другу.

Внезапно Грим понял, что Лиза пыталась ему объяснить. Цепочка — это нечто большее, чем бумага и клей, из которых она была сделана. Речь шла о связи, которую они налаживали вместе, о жизни, которую они строили... вместе.

Обернувшись к своей Лизе, он обнаружил, что она протягивает ему свёрток.

— Это для тебя, — тихо сказала она.

— Лиза... — Грим удивлённо посмотрел на неё.

— Пожалуйста, Грим, — прошептала она.

Грим в замешательстве посмотрел на Лизу, ему никогда раньше не дарили подарки. Всё, что получал воин, приходилось заработать самому, — самцам ничего не давалось даром. Медленно Грим отставил кубок и взял свёрток.

— Открой его, Грим, — нежно поощрила его Лиза.

Грим аккуратно удалил упаковку. Он не помнил, чтобы Лиза обёртывала что-то подобное. Она показала ему каждый подарок, который приобрела для девочек, прежде чем завернуть. Лиза хотела, чтобы он понял, — подарки были от них обоих, и что он их тоже одобряет.

Она сделала то же самое и для женщин с Земли, и для каждого мужчины в Замке Луанды. Завтра перед Фестивалем Богини все они получают подарки.

Он не знал, что один будет для него. Лиза была его подарком. Разве она не знала об этом?

Лиза едва могла дышать, когда Грим медленно разворачивал свой дар. Её удивила собственная нервозность.

Что, если ему это не понравится?

Может быть, ей не стоило отдавать это ему.
Будет ли он оскорблён?

Глаза Грима расширились от того, что он обнаружил. Это была коробка. Шкатулка, сделанная из дерева, которую он раньше никогда не видел. Когда он, рассматривая, наклонил её, внутри что-то загремело. Взглянув на Лизу, он был в шоке, она выглядела... нервной, как будто не была уверена, что ему понравится подарок.

— Лиза?

— Это было у моего отца, — прошептала она, глядя на шкатулку в его руках. — Когда мы пошли за девочками, она была завернута в мою ночную рубашку, — Лиза подняла взгляд и увидела, что Грим вспомнил. — Я даже не знала, что она находилась у меня, пока не взяла ночную сорочку той ночью, на «Искателе», — пальцы Лизы слегка тряслись, когда она протянула руку, трепетно пробегая пальцами по гладкой поверхности.

— Шкатулка принадлежала моему отцу — манно, — поправились она, используя торнианское слово. — И его манно перед ним. Это всегда передавали старшему мужчине в семье после смерти манно, — в глазах, поднятых к Гриму, был лишь намёк на грусть и сожаление. — У папы никогда не было сына, самца, чтобы передать тому.

— У него была ты, моя Лиза, этого было более чем достаточно.

— Я знаю, и отец никогда не заставлял меня чувствовать, что был разочарован, но на Земле, иметь сына, самца, носить имя манно... ну, это важно. Почти, как дочь, самка для торнианца.

Грим не знал, что сказать. Не знал, как облегчить боль, которую видел.

— Открой её, Грим, — тихо попросила Лиза.

— Что? — он перевёл взгляд с неё на коробку.

— Крышка открывается, — Лиза показала, куда нужно нажать.

Глаза Грима расширились, когда шкатулка открылась.

— Это — коробка памяти, — сказала ему Лиза, наклоняясь вперёд, чтобы заглянуть внутрь. — Каждый мужчина оставляет что-нибудь внутри — что-то, что имеет для него значение. Что-то, что важно для него, или то, о чём он хочет, чтобы будущие поколения знали, — она осторожно потянулась к шкатулке и вытащила круглый, тускло-белый, плоский диск. — Это — доллар, найденный в песке, — сказала ему Лиза. — Его можно найти на пляжах Земли, — она осторожно положила маленький диск в большую руку Грима. — Мой прадед нашёл это в тот день, когда встретил мою прабабушку. И это...

Грим нахмурился, глядя на хрупкую коричневую полоску.

— Раньше это была травинка. Ты видишь этот след? — спросила она, указывая на едва различимый зазор.

— Да.

— Он отмечает размер пальца руки моей бабушки. Дедушка обернул травинку вокруг, чтобы знать, какой размер кольца купить, чтобы потом попросить её стать его женой, — Лиза осторожно положила хрупкую полоску обратно в коробку.

— И это, — она благоговейно вытащила выцветшую синюю ленточку, пропуская её меж своих пальцев. — Её моя мама вплела в волосы в тот день, когда выходила замуж за папу.

— А эти?

Грим осторожно положил доллар обратно в коробку и поднял несколько остатков обесцвеченной бумаги, затем посмотрел на Лизу. Он был потрясён слезами, бежавшими по её щекам. Её пальцы дрожали, когда она осторожно коснулась бумаги.

— Лиза? — спросил Грим.

— Это всё, что осталось от той цепочки, которую сделали отец и я, — прошептала она, глядя на газету. — Я не знала, что он сохранил её часть и держал ту вместе с лентой мамы. Папа показывал мне шкатулку только один раз, когда рассказал, что означал каждый из предметов. Тогда в ней не было цепочки. Только после того, как он умер, я снова открыла шкатулку и нашла её там.

Грим посмотрел на хрупкие кусочки в руке и на дерево, на котором висела цепочка, которую сделал он с девочками, и внезапно всё это стало иметь для него смысл. Лиза связывала его со своим прошлым, со своей семьёй, делая его частью этого. Этим подарком она дарила ему кусочек прошлого, часть чего-то, что было очень важно для неё. Она давала ему свою семью.

— Лиза... — Грим не знал, что сказать.

— Папа хотел бы, чтобы это было у тебя, Грим, — полным убеждения взглядом Лиза посмотрела на него, погладив по щеке. — Ты бы ему понравился.

— Ты думаешь, что твой манно одобрил бы меня? — мрачно спросил Грим, его взгляд был полон сомнений. Неуверенность, которую Лиза уже распознала, была вызвана суждениями его собственного народа, признавшего Грима недостойным и непригодным.

— О, да! — в голосе Лизы не звучало ни намёка на сомнения. — Ты любишь и защищаешь меня, Грим. Ты любишь и защищаешь девочек. Ты делаешь нас счастливыми. Это всё, что имело бы для него значение. И это всё, что будет важно для тебя, когда настанет время для наших дочек.

— Этого не произойдёт ещё много-много лет! — Грим мрачно нахмурился при такой мысли. Карли и Мики были его дочерьми, и ни один мужчина никогда не будет достаточно хорош.

— Посмотрим, — Лиза осторожно сложила ленту матери в коробку. — И однажды ты покажешь это своему сыну. Ты расскажешь ему о его предках с Земли, а также о торнианских предках, и когда-нибудь эта шкатулка будет принадлежать ему.

Лиза смотрела, как Грим осторожно положил свой подарок в сейф, расположенный за тайной панелью в его кабинете. Грим показал Лизе сейф, чтобы она могла взять «Когти Раптора» и «Сердце Раптора» всякий раз, когда захочет. То, что Грим решил хранить шкатулку её отца в месте, предназначенном для сокровищ Люды, глубоко тронуло Лизу. Когда Грим не повернулся к ней, а вместо этого стал смотреть на дерево, Лиза нахмурилась.

— Грим, что случилось?

— У меня нет подарка для тебя, моя Лиза, — наконец он посмотрел на неё, слёзы наполнили его серые глаза. Как он мог не понимать, что у неё будет что-то и для него? — Я не знал...

— Ну, конечно же.

Она двинулась, чтобы подняться, и Грим тут же оказался рядом, придерживая её за руки.

— Грим, это не имеет значения. Праздники — это когда даруешь, а не получаешь, а ты каждый день даруешь мне, — используя большие пальцы, Лиза вытерла слёзы своего воина.

— Не я, моя Лиза, — отрицал Грим, с трудом сдерживая эмоции.

— Ты только что это сделал, — улыбнулась она ему. — Я — твоя Лиза. Каждый раз, когда ты так меня называешь, ты делаешь мне подарок, Грим, я твоя, мне больше ничего не нужно, только ты.

Грим увидел, что в её глазах сияла правда. Она думает, что он подарок! Она сама подарок!

— Я люблю тебя, моя Лиза, — прошептал он, нежно поцеловав ее в губы.

— И я люблю тебя, Грим.

Лиза вцепилась в рубашку Грима, притягивая его ближе. Ответ мужчины был незамедлительным. Приподняв Лизу, он завладел её губами, углубляя поцелуй.

Лиза погрузилась в поцелуй Грима, руками обхватив его шею, пульс начал разгоняться, и её мир стал вращаться. Боже! Ей нравится, когда он так целует её, как будто обволакивает её тело. Внезапно Лиза поняла, что действительно кружится, это Грим развернулся и осторожно уронил их на диван.

Грим уселся на Лизу, опираясь на свои колени, его рука скользнула под её платье, лаская мягкую кожу внутренней части её бедра. Его язык соприкасался с её языком, поцелуем Грим пытался выразить то, что её слова значат для него. Лиза показала ему, что мир может быть совершенно другим, может быть лучше, и никогда не пыталась изменить его самого, никогда не требовала ничего, что он не мог дать. Лиза приняла его таким, каким он был, и Грим обнаружил, что готов отдать ей всё, что имел, всё, чем он был сам, и намного больше.

Переместив руку ей между ног, Грим обнаружил, что она была уже влажная от желания, её клитор пульсировал от нужды, требуя его внимания. Потирая большим пальцем чувственный узелок, он почувствовал её дрожь.

— Грим! — простонала Лиза, отрываясь от его рта. Ощущая, как разгорается тело от ласки его рук. Только от поцелуя и прикосновения она стала до боли возбуждена, грудь набухала, соски напрягались до такой степени, что даже тонкий шёлк платья раздражал. Это то, что делал с ней Грим, каждый раз, когда они вступали в контакт; Лиза думала, что её либидо находилось на высоком уровне из-за беременности, но такого не было, когда она вынашивала девочек, и это удивляло её.

Её бедра двинулись к его руке, требуя большего, и мужчина глубоко втолкнул два пальца в гладкое влагалище, а большим пальцем ускорил темп на её клиторе.

— Боже, Грим! Да! — пальцами она впиалась в плечи своего мужчины, наслаждаясь движениями его руки. Весь мир Лизы сузился только до него и того, что он с ней делал. Его пальцы погружались в её дрожащую киску, а его большой палец достаточно сильно потирал в нужном месте. Вся её сущность напряглась, удовольствие казалось недостижимым, и только он мог подарить ей разрядку.

Глаза Грима всегда были обращены к Лизе, пока он её радовал. Затуманенный от желания взгляд вспыхнул, её ноготки впились глубже, показывая, насколько она была близка к пику наслаждения. Лиза всегда была так отзывчива, всегда давала понять, что его прикосновения делают с ней. Погружая пальцы, Грим слегка подцепил и приласкал то место, которое, как он знал, сделает её совершенно необузданной.

Лиза перестала дышать, когда Грим стал ласкать то тайное местечко глубоко внутри

неё. Закинув голову назад, когда оргазм настиг её, она закричала.

Грим продлевал наслаждение Лизы, его пальцы неумолимо даровали ей ещё одну разрядку. Кто знал, что мужчина способен доставить ей такое наслаждение? И Лиза знала, что Грим для неё — единственный, кто способен дать ей это.

Лиза медленно открыла глаза, взгляд сфокусировался на мерцающем свете дерева, её мозг снова начал функционировать. Она растянулась на груди Грима на диване, её щека покоилась над устойчивым ритмом его сердца. Вот что Грим делал с ней?! Он — короткое замыкание для её ума и тела. И ей это нравилось.

Подняв голову, она обнаружила, что её грубый, жёсткий воин спал, но даже во сне его руки были обёрнуты вокруг неё, держа в безопасности. Лиза вспомнила, как Грим полагал, что она захочет, чтобы теперь он использовал сераи, из-за её беременности. Как он считал, что ей будет слишком неудобно, если он будет продолжать находить своё удовольствие в ней. Это были долгие споры и удивительные оргазмы, прежде чем она, наконец, убедила его, что они всё ещё могут найти своё удовольствие вместе.

Грим принадлежал ей, и никакое песочное существо или кто-то ещё не коснётся его таким образом. Грим был её подарком от Богини. *Её подарок...* хм, маленькая улыбка начала формироваться в уголках рта. Грим расстроился, когда у него не нашлось подарка для неё. Что ей было нечего развернуть. Ну, он был неправ.

Грим проснулся, ощущая поцелуй Лизы на своей обнажённой груди.

— Лиза? — сонно спросил он, прижимая её к себе крепче.

— Ты действительно хочешь подарить мне что-то, что я могла бы развернуть, Грим? — хрипло спросила она, глядя сквозь густые ресницы.

— Я очень хочу порадовать мою Лизу, но у меня ничего нет, — глаза мужчины потемнели от сожаления, когда он вспомнил.

— О, ты радуешь, Грим, и я знаю, чего хочу, — её руки сдвинулись, чтобы расстегнуть его штаны.

— Лиза, что ты делаешь? — спросил он, его глаза расширились.

— Я разворачиваю свой подарок, Грим, — сказала она игриво.

— Ты собираешься развернуть *меня*? — мужчина не пытался скрыть своего удивления.

— О да! — сказала она, целуя его в грудь, легко скользнув и усевшись между крупными бёдрами, которые раздвинулись, чтобы освободить для неё место. Её взгляд пролетел над открывшимся великолепием. Торс Грима был для неё более красивым, чем любая классическая скульптура, ибо под выточенной формой жёстких мускулов находилось тёплое бьющееся сердце Грима.

— Ты знаешь, как ты прекрасен для меня, Грим?! — прошептала Лиза. — Ты такой сильный, ты так много отдаёшь, но ничего не ожидаешь для себя самого.

Её глаза пробежались по его шрамам, Лиза остановилась, затем наклонилась и поцеловала каждый, пытаясь облегчить ту давнюю глубокую боль.

Лиза знала, что это всё ещё его беспокоило — его собственный народ признал мужчину

непригодным и недостойным. Потребуется время, чтобы облегчить боль, вызванную поведением торнианских женщин, годами избегавших его, и такими как Лукен и Бертос, с их комментариями. Эта боль никогда не исчезнет полностью, но Лиза была полна решимости, сделать всё возможное, чтобы облегчить её.

— Ты никогда не уходишь от трудностей, — сказала она, целуя самый грубый шрам. — Ты никогда не сдаёшься, когда тяжело. Не удивительно, что сама Богиня считает тебя своим достойным воином, Грим. Но даже она не имеет на тебя прав, — цвет её янтарных глаз был интенсивным, когда их взгляды встретились. — Ты мой! — подчеркнула Лиза.

Пока она говорила, её руки скользили по талии Грима, стаскивая брюки с его бёдер. Лиза прижала руку к толстому стержню и освободила его. О да, её Грим был поистине великолепен везде!

Грим приподнял бёдра, когда Лиза спускала его штаны. Она обхватила руками пульсирующую плоть, дыхание мужчины сбилось, прикосновение заставило его член набухнуть ещё больше. Глаза Грима сузились, когда Лиза, вместо того, чтобы оседлать его, скользнула дальше между ног, опустив лицо, нежно прижалась щекой к его возбуждённой плоти.

Закрыв глаза, Лиза потёрлась о горячий член Грима, вдыхая его уникальный аромат, впитывая глубоко в свою душу. Это был Грим, сильный, мощный, но нежный, пряный, успокаивающий всё в ней, с намёком на опасность. Ей был нужен его вкус.

Она слегка опустилась, её глаза открылись, чтобы встретить блестящую бусинку, которая свисала с кончика его набухшей головки. Лиза добралась до неё языком, а так же проследовала по влажному следу предыдущей — удостоверилась, что заполучила себе всё его выплеснувшееся возбуждение. Её усилия были вознаграждены ещё большим количеством сладкой пряности из пульсирующей плоти.

— Лиза! — Грима трясло от возбуждения, пока она облизывала его член. — Что ты делаешь? — потребовал он хрипло, его глаза неотрывно следили за движениями её языка.

Шок в голосе мужчины заставил Лизу взглянуть ему в лицо, пока она продолжала убеждать, что ничего не пропустила, кружа языком вокруг его члена. Вдруг она поняла, что у Грима никогда раньше не было настоящей женщины. И Лизе никогда не приходило в голову, что это будет новым для него; он не знал, что она может доставить ему удовольствие своим ртом.

— Позволь мне, Грим, — умоляла Лиза, её горячее дыхание обволакивало головку его члена, также как её желание окутывало его тело.

— Позволить что? — дыхание Грима сперло от жара её губ.

— Любить тебя, как ты любишь меня, — её глаза не покидали его, пока она, широко открыв рот, вбирала его плоть в себя настолько, насколько могла.

— Лиза! — хрипло крикнул Грим, его бедра непроизвольно толкнулись в её горячий влажный рот.

Лиза воспользовалась этим движением, вобрав его член ещё глубже. С каждым входом, её язык ласкал толстую пульсирующую вену вдоль нижней части его достоинства, тело Лизы реагировало на примитивные движения, наполняя её лоно потребностью, подготавливая её к нему.

— Богиня, Лиза! — колени Грима раскинулись, и он запустил пальцы в волосы своей возлюбленной. Мужчина в недоумении наблюдал, как её рот двигался по его члену. Он никогда в своей жизни не видел ничего эротичнее, губы его Лизы растягивались вокруг его

члена, щёки ритмично втягивались, когда она сосала его.

— Не останавливайся, Лиза, — взмолился Грим, его прерывистое дыхание вырывалось из груди, бёдра толкались быстрее и глубже во влажную горячую глубину её рта. Он почувствовал, как подтягиваются яйца, и понял, что был близок, но прежде, чем смог что-либо сделать, Лиза всосала его член сильнее. Этого было слишком много, с криком Грим взорвался наслаждением, а семя выстрелило глубоко в ее горле.

Лиза жадно проглотила каждую каплю, которую подарил ей Грим, смакуя её. Она понимала, что своё удовольствие придётся подождать. Через несколько минут она медленно откинулась назад, позволив его расслабленному удовлетворённому члену выскользнуть из рта. Подняв глаза, Лиза не могла не улыбнуться. Глаза Грима были закрыты, рот открыт в изумлении, а грудь вздымалась в бешеном ритме. Она полностью сокрушила самого опасного воина в Империи. И она не могла дождаться того, чтобы повторить это вновь.

Грим лежал на спине, пытаясь восстановить контроль над своим дыханием. Богиня, он никогда не знал, что такое было возможно, никогда даже не слышал об этом от воина, который часто посещал ганглианские дома удовольствий.

Когда Лиза опустилась на колени между его ног, мужчина подумал, что это было для того, чтобы освободить его от штанов, чтобы потом она смогла оседлать его. Эта позиция стала одним из его излюбленных способов любить свою Лизу, потому что так он имел доступ к её клитору и мог поклоняться её прекрасной груди, продолжая управлять её удовольствием.

Вместо этого Лиза лизнула его, попробовала его семя... Грим вздрогнул, вспомнив, как хорошо чувствовался её язык на его члене, как её рот сосал его, обхватывая так же, как её лоно, а затем она взяла всё и проглотила.

Мужчина сбился с дыхания, которое только что восстановил. Член вновь затвердел, когда Грим вспомнил весь спектр ощущений того, как её горло сжалось вокруг него, как её мышцы массировали его, когда она глотала его семя. Прикосновение рук Лизы к его груди заставило Грима открыть глаза.

Когда глаза Грима распахнулись, руки Лизы застыли на его груди, красивый, мягкий серый цвет глаз, который она любила, сменился тяжёлым и пылающим.

— Грим... — прежде чем она смогла сказать ещё хоть слово, Грим приподнялся, обнял её руками и перевернулся. Он бёдрами прижал её к дивану, однако, убедился, что не сдавливает округлившийся животик. Его член не испытывал таких угрызений совести и нетерпеливо упёрся в мягкую кожу её живота, мужчина стянул с женщины платье, обнажая восхитительное тело.

Грим не сказал ни слова, просто смотрел на свою Лизу. Её лицо покраснелось от желания, губы припухли, а грудь рвалась к нему, требуя удовольствий. Его Лиза была

красива.

Не разрывая зрительного контакта, Грим опустил бёдра между её ног. Его тяжёлый, пульсирующий член, не нуждающийся в помощи, нашёл её горячий вход и одним жёстким движением погрузился до предела.

— Грим! — вскрикнула Лиза, её спина выгнулась, принимая больше.

Подняв её руки над головой, Грим грудью прижался к её груди и завладел её устами. Он пробовал себя на её губах. Он попробовал её. Ощутил их общий вкус. Ничто никогда не было приятнее их смешанного вкуса.

Грим знал, что не продержится долго: его Лиза чувствовалась слишком хорошо, сжимаясь вокруг его члена. С каждым ударом её лоно пульсировало вокруг него, сжимая, как горячая шёлковая перчатка. Он уже чувствовал, как ускользает контроль, яйца сжались, а тело напрягалось по мере того, как его потребность возрастала, но на этот раз Грим не хотел кончать без неё.

Оторвавшись от её губ, он выгнулся и завладел дразнящим соском, всосал его глубоко в рот, кружа вокруг языком. Реакция Лизы была незамедлительной — женское лоно ещё сильнее сжало его плоть. Грим ускорил ритм, отказываясь дать ей передышку.

Мир Лизы снова вращался, выйдя из-под контроля, единственное, что для неё существовало, — это Грим. Рот Грима... Член Грима... Прикосновения Грима... Её стройные ноги оплели его накаченные бёдра, пальцы глубоко погрузились в его густые волосы, она держалась за него, как за единственную несокрушимую вещь в этом мире.

— О Боже! — вскрикнула Лиза, когда Грим прикоснулся к её соску; удовольствие, пронзило её прямо в лоно, оно было настолько ярким, что почти причиняло боль. Его увеличившийся член натирал каждый напряжённый нерв, когда мужчина неумолимо проникал в неё, его толчки становились всё яростнее и быстрее.

Её тело ей больше не принадлежало. Оно принадлежало Гриму. Он владел им. Он контролировал его, и только он мог подарить ей облегчение, в котором она так нуждалась.

— О, пожалуйста, Грим! — умоляла она, затаив дыхание, отрывая свой рот от его груди. — Пожалуйста...

Грим смотрел на свою Лизу, пока продолжал врываться в неё, по лицу катился пот, мужчина старался сохранить контроль, чего бы ему это не стоило, но просьба Лизы сломала его.

— Кончи для меня, Лиза! — жестоко распорядился он. — Сейчас!

С криком, Лиза окунулась в волны оргазма, её влагетище судорожно сжималось вокруг него. С последним жёстким толчком Грим глубоко проник в неё и взорвался в наслаждении.

Услышав едва приглушённые смешки дочерей, Лиза застонала и натянула одеяло на голову. Было утро Фестиваля, ещё очень-очень раннее утро, и, судя по всему, девочки решили воплотить Рождественскую традицию, которой боялись все родители. Быть разбуженными перед рассветом. Опустив одеяло, Лиза обнаружила, что девочки стоят у края кровати и шепчутся друг с другом.

— Девочки, что вы делаете так рано?

— Мама, это утро Фестиваля, — сообщила ей Карли, как будто это всё объясняло.

— Я знаю это, детка, — Лиза почувствовала, как пошевелился позади неё Грим.

— Подарки, мама, — взволнованно вмешалась Мики.

— Я тоже это знаю, но ещё ужасно рано.

— Пожалуйста, мам? — сказали они вместе, их юные глазки были полны волнения, когда они умоляли её, затем девочки повернулись к Гриму. — Пожалуйста, Грим?

— Вы уже почистили зубки? — спросил Грим хриплым от сна голосом.

— Нет, — они обе рассматривали свои ноги.

— Идите чистить зубы, наденьте свои халаты и тапочки, а потом, когда вы вернётесь, сможете открыть свои подарки.

— Да, Грим! — ответили они тут же, и улыбки вспыхнули на их лицах. Девочки стремительно побежали.

— Замедлитесь! — жёстко распорядился он, но они уже исчезли.

Улыбаясь ему, Лиза приподнялась на локте, думая о том, как хорошо мужчина освоился с ролью отца. Не так давно, при пробуждении, обнаружив в своей кровати двух маленьких девочек, Грима охватывала паника. Теперь это совсем не шокировало его.

— Я забыла сказать, что они рано встанут.

— Это ещё одна традиция? — спросил он, его пальцы скользнули по её боку, нежно касаясь набухшей груди.

— Да, — соски Лизы сразу же сжались от его лёгкого прикосновения. — Они будут чистить зубы в рекордно короткие сроки, — Лиза затаила дыхание.

— Тогда нам лучше одеться, прежде чем они вернутся, — Грим попытался скрыть свою усмешку, когда отёрнул руку, но шокированный взгляд на лице Лизы, сделал невозможным утаить веселье.

— Ах, ты... — запыхтела Лиза, слегка стукнув рукой по его массивной груди. — Ты сделал это специально!

— Что сделал, моя Лиза? — ухмыляясь, Грим откинулся назад на постель, закинув руки за голову.

— Ты знаешь что, — сказала она, вставая рядом с кроватью. Уперев руки на бёдра, Лиза повернулась к Гриму лицом, не обращая внимания на свою наготу. Смех мужчины прервался с его взглядом, жадно путешествующим по её обнажённым формам, его тело мгновенно отреагировало на красоту женщины.

Она самодовольно улыбнулась, когда простынь над бёдрами Грима натянулась в виде палатки. Повернувшись к нему спиной, Лиза медленно удалилась.

— Лиза! — Грим выскочил из постели за ней.

Оглянувшись через плечо, Лиза издала удивлённый писк и, смеясь, бросилась в очистительную комнату. Лиза почти добралась туда, но у дверного проёма Грим настиг её и, захватив в свои объятия, закрыл за ними дверь.

— Мама, как красиво, — Карли осторожно подняла ловец солнца, сделанный Даганом в зелёном цвете. Ранний утренний свет заставлял предмет сверкать.

— Обязательно скажи Дагану, когда увидишь его сегодня, — сказала Лиза, прижимаясь

к Гриму на диване. Она не знала, кому больше нравились подарки, девочкам или Гриму. С каждым визгом удовольствия, с каждым объятием благодарности, улыбка Грима росла. Лиза не думала, что видела его раньше таким счастливым.

— Я сделаю это, — голос Карли вытащил Лизу из раздумий. — Можем ли мы повесить его на моём окне?

— Через некоторое время, когда Монфор поднимется с первой трапезой.

— Хорошо, — Карли аккуратно положила ловец солнца обратно в защитную коробку, затем повернулась, чтобы прошептать что-то Мики.

— Ну как? — спросила Лиза, обращая внимание на Грима, зная, что он поймёт вопрос.

— Моя Лиза, это замечательная вещь, ваш праздник. Радость в глазах наших дочерей... — грубый голос умолк, при взгляде на них. — Это то, что мы пытались сохранить во время выживания, но позабыли, что именно пытались сохранить. Простая радость жизни — видеть, что наше потомство находится в безопасности и оно счастливо.

Лиза собиралась ответить, когда коммутатор Грима зазвенел.

— В чём дело? — с нетерпением спросил Грим, отвлекаясь.

— Ваше Величество, воин Ул просит разрешения сойти на поверхность, — сообщил командующий Юниус.

— У него есть разрешение, командующий. Удостоверьтесь, что его сопровождают прямо в Луанду.

— Да, Ваше Величество.

— Ул? — Лиза вопросительно посмотрела на Грима. Ул не был в списке мужчин, приглашённых на встречу с женщинами. Он даже не подал прошения.

— Это не то, что ты думаешь, моя Лиза, — Грим посмотрел на неё, зная, куда ушли её мысли. — Ула не интересуется ни одна из женщин.

— Что? — она напряглась. — Почему нет?

Грим улыбнулся, увидев оскорбление Лизы за своих соотечественниц, но всё исчезло, когда он подумал об Уле.

— Потому что его посчитали непригодным.

— Но Грим... — сердце Лизы сразу же обратилось к Улу. — Это не так.

— Его гордость не позволит ему приблизиться ни к одной из них, моя Лиза.

Торнианская гордость, это Лиза понимала — травмированных когда-то было трудно восстановить, и это было не так, как у людей на Земле.

— Тогда почему он прибыл? — молчание Грима заставило Лизу почувствовать неловкость. — Грим?

— Он прибыл поговорить с тобой, моя Лиза.

— Со мной? — Лиза посмотрела в замешательстве.

— Да, — Грим посмотрел на девочек и понизил голос. — Было решено, что «Искатель» вернётся на Землю.

— Грим! — Лиза не смогла сдержать шока в голосе и боли в глазах.

— Это не то, что ты думаешь, моя Лиза, — глаза Грима умоляли её о понимании, когда Лиза ничего не сказала, мужчина продолжил: — Ещё один ганглианский корабль был обнаружен в Кализианской Империи. В нём находились женщины с Земли, только женщины.

Лиза откинулась на спинку кресла при мысли о том, что ещё больше женщин пострадало, как Ким. Ганглианцы захватили Ким и насильовали её. Если бы не Рэй, она бы

умерла. Если бы не Ким, то торнианцы не нашли бы Землю, Грим не нашёл бы её...

— Это не то, что ты думаешь, моя Лиза, — снова сказал Грим, зная, чего она боялась. — Они не подвергались насилию, — мужчина увидел облегчение, которое мгновенно отразилось в глазах Лизы. — Ганглианцы слышали, что самки с Земли совместимы для размножения с торнианцами. И что есть те, кто много заплатит, чтобы владеть хотя бы одной, — тембр его голоса сошёл на нет.

— Они похищают их на продажу.

— Да, — мрачно кивнул он. — И они берут тех, кого находят, независимо от того, защищены они или нет. Мы не можем этого допустить.

— Что ты планируешь? — Грим смотрел на свою Лизу и видел веру в её глазах. Веру в него, это согревало его душу.

— Ул поинтересовался у Эбби и Ким, как наилучшим образом связаться и вступить в контакт с вашим народом. Теперь он хочет услышать твоё мнение.

— Он собирается вступить в контакт? Чтобы люди на Земле узнали, что происходит?

— Это единственный способ защитить женщин, моя Лиза.

Лиза смотрела на Грима, пока её ум усердно работал. Люди Земли узнают, что иная жизнь действительно существует. Что они не одни во Вселенной. Будут те, кого эти знания обрадуют, и те, которые захотят уничтожить инопланетян. Что она знает, что может помочь? Поражённый Грим наблюдал, как глаза Лизы засветились, уловив мысль.

— Что, моя Лиза?

— Возможно, я знаю кое-кого...

— Нет, — сердитый шёпот Карли отвлёк внимание Лизы от Грима, и она увидела, как старшая сестра схватила за руку младшую. — Я говорю, мы подождём.

— Нет! — возразила Мики, вздёргивая свой маленький подбородок вверх. — Я не хочу!

— Девочки, что происходит? — потребовала Лиза.

Лиза не поняла, что увидела на их лицах, но была в шоке, когда Мики скинула руку сестры и поползла под дерево. Мики редко бросала вызов Карли. Лиза вопросительно посмотрела на Грима, но он был также смущён, как и она.

Маленькая попка Мики вылезла из-под дерева, в руках дочка держала пакет, которого Лиза никогда раньше не видела. Мики медленно подошла к Гриму, Карли приблизилась сзади.

— Папа умер, — её слова, произнесённые таким невинным сердечным голосом, остановили сердце Лизы. — Он был хорошим папой, — грустные маленькие глазки посмотрели на Грима.

— Он был, Мики, — твердо сказал Грим. Он никогда не встречался с женщиной, но Марк должен был быть очень хорошим мужчиной для этих троих, потому что они его очень любили.

— Мы не хотим другого папу, — продолжила она. — Папа был папочкой. Ты не папа, ты — Грим.

Горло Грима сжалось от волнения, и мужчина обнаружил, что не может говорить. А этот маленький человечек смотрит и ждёт. Грим кивнул.

— Мы больше не хотим называть тебя Гримом.

Глаза Грима расширились от удивления.

— Папа был папой, — снова сказала Мики. — Его мы звали так. А тебя хотим называть «манно».

Две пары глаз с надеждой смотрели на Грима, ожидая его ответа.

— Можем ли мы? — спросила она осторожно, и её маленькие глазки были полны надежды.

Грим даже не пытался остановить слёзы, которые наполнили его глаза. Эти два драгоценных существа хотели называть его манно...

— Да, малышки, — раздался его голос, Грим подхватил девочек на руки, прижимая к себе. — Для меня было бы честью, если бы вы называли меня манно.

— Тогда это для тебя, манно, — сказала Мики, её личико сияло. — От меня и Карли.

— Это?

Посадив по одной на каждую коленку и обернув вокруг руку, защищая девочек от падения, Грим взял пакет из рук Мики.

— Мы сделали это для тебя, — гордо сказала она.

— Не мы, Мики! — выдохнула Карли. — Падме помогла, и ещё Даган и Гаан.

— Ну да, но...

— Девочки, достаточно, пусть Грим откроет, — Лиза мягко останавливала спор, пока он не обострился.

Грим аккуратно развернул подарок, не зная, чего ожидать. Из-за количества используемой ленты, было очевидно, что девочки сами обернули подарок. Глядя на Лизу, Грим увидел, что она тоже понятия не имела, что это такое.

Лежащее внутри бумаги было тем, что заставило сердце Грима замереть.

— Тебе нравится это, манно? — спросила Мики, сама вынимая содержимое. — Это наши отпечатки пальцев. Смотри, — она приложила большой палец руки к одному. — Падме попросила нас положить большие пальцы в глину, затем отнесла её к Гаану и Дагану, и они отлили наши отпечатки пальцев в стекле. Видишь, у Карли — зелёный, а мой...

— Синий, — закончил за неё Грим, и Мики просияла: он помнил её любимый цвет.

— Да, потом Падме сплела ожерелье и вплела их туда, она объяснила, что так, мы всегда будем с тобой, независимо от того, куда ты пойдёшь. Падме сказала, что когда наша сестричка родится, мы сможем добавить и её отпечаток.

Грим перевёл взгляд от подарка в руке своей дочери на ожерелья, которые они всегда носили. Лиза говорила ему раньше, что странный металл, который висел на их шеях, был отпечатком пальца руки Марка, сделанным до его смерти, поэтому он всегда будет с ними. Теперь они хотят подарить ему часть себя. Что-то ещё, кроме того, чтобы называть его манно, что-то, что позволит им всегда быть вместе. Самец никогда не был так благословлён.

— Позволь мне помочь тебе, — тихо сказала Лиза.

Она взяла ожерелье и обогнула диван. Скользнув над его головой, Лиза отрегулировала длину, как он того хотел. Ожерелье отлично смотрелось в вырезе его рубашки, и оно было доступно взору каждого.

Обняв девочек, Грим притянул их к себе.

— Спасибо, Мики. Спасибо, Карли, — сказал Грим, целуя каждую из девочек в лоб. — Я буду всегда хранить его.

— Ты лучший, манно! — с весельем и гордостью девочки глядели на свой дар, который лежал на массивной груди; каждый отпечаток сверкал в раннем утреннем свете.

— Сир, первая трапеза, — объявил Монфор, стоя у дверей.

— Да! — девочки быстро поцеловали Грима, затем спрыгнули с его колен и кинулись к Монфору, рассказать обо всех своих подарках.

Поднимаясь, Грим кивнул Монфору и повернулся, обнаружив Лизу рядом с ним. Наклонился и сердечно поцеловал её.

— Спасибо, моя Лиза, — пробормотал он ей в губы. — За свой праздник. За всё, чем ты меня благословила, но особенно за любовь ко мне.

— И так будет всегда, Грим.

И после ещё одного поцелуя они повернулись и присоединились к своим девочкам.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net